

ПРАВСТВЕННОСТЬ НАШИХ ЗАКОНОВ

Я взял слово, чтобы предложить взглянуть на обсуждаемые проблемы с одной коррекцией — через призму культуры, духовности, детства и человека. Мне кажется, что пора произнести на Съезде это слово. Мне кажется, что в нашем большом съездском марафоне, в том огромном телевизионном шоу, которое еще не видел мир и значение которого, по-моему, еще нами не осмыслено, потому что это решение проблем народовластия идет принародно, результат нашей работы откликнется в душах людей чисто реальным анализом. И если мы сейчас еще не знаем, как мы поработали, то в зависимости от того, какое положение сложится в стране, мы будем понимать, что это и наш вклад во все хорошее и во все плохое.

Когда я говорю: стоит подумать о человеке, я говорю это для того, чтобы мы осознали, что среди прочих дефицитов, чрезвычайно важных, есть дефицит ума, есть дефицит образования, есть дефицит ответственности, есть дефицит дисциплины, доброты, милосердия, есть дефицит красивых отношений. И когда мы говорим об экономике, говорим о средствах производства и ресурсах, мы понимаем, что все это приходит в действие только в системе производственных отношений. А производственные отношения — это отношения людей.

Я сыграл роль в «Письмах мертвого человека» и год просидел в подвале, думая о конце света. — это нужно было по ходу работы над ролью. Целый год я думал о том, что человечество должно вот-вот погибнуть, и это дало мне новую точку зрения, и я проезжал каждый вечер по Ленинграду, смотрел на людей, таких безза-

Выступление народного депутата СССР, художественного руководителя объединения «Юность» киностудии «Мосфильм» Р. БЫКОВА на Съезде народных депутатов СССР.

ботных, и думал: неужели они не понимают, куда мы движемся? Ведь в наших душах происходят такие же невиданные превращения, которые происходят в почве, которые происходят в воздухе. Ведь инстинкт самосохранения, который двигал цивилизацией, на наших глазах подменяется инстинктом саморазрушения. Это начало апокалипсического сознания. Мы говорим о том, что у нас трудно с экономикой, и говорим: вот дополнительные трудности — Чернобыль, вот катастрофа в Башкирии, вот суровые обстоятельства, которые были в Сумганте, вот суровые обстоятельства, которые сложились в Узбекистане. Конечно, это отсутствие дисциплины, расхлябанность, острота национальной борьбы, упущения. Но у всего этого тоже есть свои причины — дефицит общей культуры и нравственности, человеческие взаимоотношения, которые мы сняли со счетов, которые не учитываются экономически. И каким же образом у нас дети, культура, образование попали в так назы-

ваемую сферу остаточного принципа?

Мы сейчас спрашиваем об атомной энергетике, о химизации страны, скоро будем говорить о биологических технологиях, не менее опасных, но очень эффективных. И я хочу спросить: продумали мы эти вопросы с точки зрения человека? Ведь если оборудование на образование школьников Швеции определяется тысячей долларов, а на нашего школьника расходуется 58 рублей, это же определенная подготовка будущего специалиста. Если на подготовку специалиста в самых лучших наших вузах мы тратим в год 12 тысяч рублей, а в педагогических — в два-три раза меньше, то в развитых капиталистических странах на подготовку специалиста идет 80 тысяч долларов. Они что, зря деньги тратят? И каким это образом мы хотим то, что стоит 80 тысяч долларов, сделать за 12 тысяч рублей? Я думаю, что за эти деньги можно сделать не специалиста, а только макет специалиста, да еще и бездействующий макет. Куда же мы с такими специалистами, с такой культурой отношений идем в век атомной энергетик, век химизации и биологических технологий? Это степень риска, которая уже неоправданна. В современных технологиях есть такое понятие — человеческая степень риска. Без него экономика не современна, без учета сегодняшнего человека экономика становится отсталой.

Наш рубль должен быть обеспечен гуманитарно, потому что, когда мы вкладываем рубль в производство, мы должны знать, что десять или двадцать рублей надо вложить в его интеллектуально-гуманитарное обеспечение. Вот чем он обеспечивается, и злые слова приходят на ум, сказанные однажды Салтыковым-Щедриным: сейчас умные люди за наш рубль полтинники дают, а скоро будут давать в морду. (Аплодисменты).

Чрезвычайно важно обратить внимание на то, как мы подходим к проблемам нашего детства. Во-первых, политически. Здесь очень большие перемены произошли за

последние 50 лет, за то время, как я живу. Я воспитывался в Московском городском доме пионеров, которому был отведен дворец, это был дворец графа — мрамор, витые лестницы. И я приезжал из Замоскворечья, из той коммуналки, где я жил, — 43 комнаты при одной кухне, и я знал, что это отдано детям нашим государством, нашей революцией. Дворцы были отданы детям. Я приехал в город Набережные Челны и увидел единственный дворец посреди города. Белокаменный, и мне с гордостью сказали, что вот здесь будет площадь — самая большая в Европе. Она насыпная, она там, конечно, необходима, в городе Набережные Челны. Мы бы не поняли этого, если бы не вспомнили, что недавно он назывался г. Брежнев. И вот стоит этот белокаменный дворец, и занимают его, конечно, не дети, а городской комитет партии и исполком, а Дом пионеров, то есть Дворец пионеров, он — в подвезде блочного пятиэтажного дома, в жилом массиве. Это не Дворец пионеров, это подвезд пионеров. (Аплодисменты). Вот сейчас оратор говорил, что не надо принижать роль партии. Дорогие друзья, члены партии и беспартийные! Роль партии может принизить только сама партия своими действиями. (Аплодисменты). И не надо бросать тень на партию, она стоит от этого дворца в Набережных Челнах сама по себе. Я разговаривал с секретарем горкома партии — молодой, достойный, умный человек, не знаю, может быть, он меня слушает. Я хочу ему сказать, мы об этом не говорили, но я по глазам догадался, что он спит и видит: выступить с инициативой — передать этот дворец детям. (Смех, аплодисменты).

Если мы говорим об экономике нашего детства, которая тоже имеет отражение во всем нашем хозяйстве, то разрешите у вас спросить: как случилось так, дорогие наши друзья, что при лозунгах «Детям — все самое лучшее!» и «Дети — привилегированный класс!» у детей отобрали все. Два процента из всех денег, отпускаемых бюджетом на спорт, достается детям, остальное забрали вы, взрослые люди. Как случилось, что квадратный метр общественного здания в среднем по стране стоит 250 рублей, квадратный метр школы — 37 рублей, а квадратный метр оборудованного свинарника — 43 рубля? Как же это так случилось и чего же мы ждем от поколения, если для них закрыты двери клубов, если для них практически закрыт доступ к книге, если их по 42 человека в классе? Это особое достижение нашей педагогики. Я помню, как во время войны мы приехали в город Иолкар-Ола, ленинградцы и москвичи, и школ не хватало. И третью смену делали, и при копилках учились, но никому не приходило в голову посадить больше, чем 25

человек в классе. Мне давно приходит в голову, что тот, кто это придумал, — посадить 42 человека в одно помещение и пусть десять лет работают, — придумает, как сделать так, чтобы была, может быть, вторая смена.

Мы организовываем сейчас комитеты Верховного Совета. Я хотел бы выразить несогласие с предварительным решением. Надо, чтобы Комитет по детству был отдельным, хотя это, сам понимаю, очень сложно. Один Комитет по науке, народному образованию, культуре и воспитанию, ну, конечно, и детство должно быть тут. Но есть другой Комитет — по семье, материнству, и тут должно быть, конечно, детство. Я думаю, что подход к комитетам с точки зрения линейных структур сегодня устарел. Не надо ли предложить нашему Верховному Совету матричную систему, чтобы комитеты были локальные, чтобы можно было составлять комбинации комитетов, направляя их на конкретную отдельную проблему?

Мы говорим: существует неразрывная связь «мать» и «дети», «мать» и «семья». Конечно, но сегодня мы пришли к такому нравственному падению общества, что эта связь у нас нарушена. Мы говорим: нет детей без семьи, нет детей без матери. Есть, дорогие друзья! Есть дети без матери, и немало. Более миллиона детей сданы в детские дома и приюты, это больше, чем было после войны, это нравственное бедствие на уровне Великой Отечественной войны, самой страшной в истории и в истории нашего народа. Наши матери не бросали нас, хотя жилось трудней. Почему же сегодня мать может бросить ребенка? Да потому, что в обществе такой моральный климат. Потому, что если бы мать бросила нас, от нее бы все отвернулись, ее родители на порог дома не пустили бы, она бы замуж никогда не вышла, от нее бы все товарищи отвернулись. А сейчас мать с отцом и посоветуют, а товарищи помогут, а умный молодой человек в жены возьмет, потому что девушка неглупая.

Я хочу сказать, что самое главное сегодня понять, что проблемы детства и культуры, экономики, финансов и всей перестройки — это проблемы наших человеческих отношений. Мы можем построить еще много электростанций, решать проблемы, создавать демократию, но демократия — не приказ, это уровень культуры. Экономика — не деньги, и не только деньги — это уровень культуры, уровень образования, уровень доброты. Само государство должно стать нравственным, закон должен стать нравственным. Если труд не уважает зарплата, если труд не уважает никто, — никогда, никакими уроками труда мы людей уважать труд не научим. (Аплодисменты).